

СВЕТ НЕМЕРКНУЩЕЙ ЗВЕЗДЫ
Переписка с Владимиром Максимовым

Жизненный и творческий путь выдающегося писателя-эмигранта «третьей волны» русского зарубежья Владимира Емельяновича Максимова (настоящее имя Лев Алексеевич Самсонов) сложен и тернист. Родился он в 1930 году в Москве, в семье рабочего, репрессированного в 1930-х годах (по другим сведениям, погибшего или пропавшего без вести на фронте в 1941 году).

Сменил фамилию, убежал из дома, вёл бродяжнический образ жизни, воспитывался в детских домах и колониях для малолетних преступников, откуда постоянно совершал побеги в Сибирь, Среднюю Азию, Закавказье. Был осуждён по уголовным статьям и провёл несколько лет в лагерях и ссылке...

После освобождения в 1951 году подался на Кубань, где работал в сельхозартели «Красная Звезда». Там впервые начал публиковаться в газетах. Первый его творческий опыт - сборник стихов «Поколение на часах» (Черкесск, 1956 г.) не вызвал особого резонанса.

По возвращении в Москву (1956 г.) Максимов занимался разнообразной литературной работой. Под его пером выходят значительные произведения: «Мы обживаем землю» (Сборник «Тарусские страницы», 1961 г.), в журнале «Октябрь» (1962 г.), в котором он некоторое время состоял членом редколлегии, печатается повесть «Жив человек». Затем вышла «Баллада о Савве» (1964 г.).

В 1963 году прозаика принимают в Союз советских писателей.

При встрече с Александром Твардовским Владимир Максимов услышал в свой адрес лестные слова. Вместе с тем, имея в виду, что герои произведений Максимова люди очень трудных, извилистых судеб, часто идущих в разрез с гладкими судьбами стереотипных «положительно прекрасных» персонажей советской действительности, главный редактор «Нового мира» посетовал:

- Разве ваши герои могли бы взять Берлин?..

На что услышал резонный ответ:

- Мы этот Берлин, Александр Трифонович, два раза брали при крепостном праве...

Позже он напишет: «В литературной среде своего поколения я с самого начала казался изгоем, пасынком». Таковым «пасынком» в литературном окружении Владимир Емельянович оставался всю свою жизнь, ибо бескомпромиссно, твёрдо и открыто отстаивал свои русские национально-патриотические взгляды и убеждения, предпочитая никому не подыгрывать и ни к кому не приспосабливаться.

Содержавшееся в его произведениях резкое неприятие политических и идейных устоев советского общества, бескомпромиссная социальная

критика, христианская направленность вскоре привели прозаика к окончательному разрыву с официальной властью.

Тем не менее, романы Максимова «Карантин» и «Семь дней творения», не принятые ни одним издательством, широко ходили в самиздате. За эти романы автор был исключён из Союза писателей, помещён «на лечение» в психиатрическую больницу...

В 1974 году был вынужден эмигрировать. Жил в Париже. В 1975 году его лишили гражданства СССР.

В 1974 году В.Е. Максимов основал ежеквартальный литературный, политический и религиозно-православный журнал «Континент» - мощный рупор свободного русского слова в изгнании второй половины XX века, главным редактором которого оставался до 1992 года. Был исполнительным директором международной антикоммунистической организации «Интернационал сопротивления».

Владимир Максимов – автор 18-ти драматических и трагических, насыщенных глубокими философскими раздумьями книг, в том числе повести «Ковчег для незваных», романов «Семь дней творения», «Карантин», «Звезда адмирала Колчака», «Заглянуть в бездну». Им написаны также пьесы: «Кто боится Рэя Брэдбери?» (1988 г.), «Берлин на исходе ночи» (1991 г.), «Там, вдали за рекой...» (1991 г.), «Где тебя ждут, ангел?» («Континент», № 75, 1993), «Борск – станция пограничная» («Континент», № 84, 1995 г.).

Прожив более 20 лет в вынужденной эмиграции, писатель до конца своих дней оставался русским, глубоко верующим человеком, идейным продолжателем православно-христианских традиций Ф.М. Достоевского, неистово любящим Россию и страдающим за неё.

В 1990 году Владимиру Максиму возвратили советское гражданство. В последние годы жизни он подолгу пребывал в Москве и надеялся на скорые демократические перемены. Но действительность показала, что столь долго вынашиваемые надежды были явно преждевременны...

В 1992 – 1995 гг., находясь в эмиграции, Максимов регулярно публиковался в газете «Правда» с большими публицистическими очерками, в которых резко критиковал либеральные реформы Ельцина, за что на него яростно ополчились либеральные круги как на Западе, так и в России.

В выступлениях художника слова всё чаще звучали пессимизм и неверие в будущее либерально-олигархической России, о чём, в частности, более чем откровенно говорят его ниже публикуемые письма.

В начале 1995 года у Владимира Максимова было обнаружено онкологическое поражение позвонка шейного отдела. Несмотря на проведённую в Париже хирургическую операцию, остановить развитие болезни не удалось. 26 марта 1995 года писатель ушёл из жизни. Похоронен на русском кладбище Сент – Женевьев – де-Буа.

До сих пор не исследован эпистолярный жанр выдающегося творчества В.Е. Максимова. Между тем его интенсивная переписка с самым широким кругом лиц отчётливо воссоздаёт облик яркой личности, глубоко и безраздельно преданной России.

Моя переписка с В.Е. Максимовым завязалась на редкость просто и естественно, хотя мы ни разу не встречались: я написал ему в Париж, а он, нисколько не чинясь, не бравируя своей огромной популярностью, ответил мне, совершенно не знакомому ему человеку, тепло и очень благожелательно. И переписка эта, без преувеличения, превратилась в долговременный, открытый и задушевный обмен чистосердечными мнениями и суждениями по самым насущным жизненным вопросам русской жизни в наше суровое время...

Как может убедиться читатель, Владимир Емельянович отнюдь не замыкался собственно литературой, ибо художественное творчество для него никогда не являлось «чистой» эстетикой, а было сильным катализатором нравственности и православно-христианской духовности общества, органической частью социального процесса, активнейшим участником и деятелем коего он пребывал всю свою небольшую, но содержательную жизнь.

Письма В.Е. Максимова – это неумолимый жёсткий приговор той антигуманной и беспощадной действительности в России 1990-х годов, которую устроили зарвавшиеся власть имущие политиканы, которые загнали великую страну в такой глухой тупик, о котором не могло быть и речи даже при ненавистном Владимиру Емельяновичу «застойном» советском режиме, от которого он вынужден был уехать в эмиграцию на Запад...

Из смелого, бескомпромиссного критика коммунистических бюрократических устоев писатель превратился в ещё более непримиримого и бесстрашного ниспровергателя пресловутых «демократических» реформ.

В своём первом письме за 14 февраля 1993 г. я сообщил Владимиру Емельяновичу, что уже немало лет работаю над докторской диссертацией по современному русскому историческому роману и счёл необходимым причислить к данному жанру его оригинальный и высокохудожественный во всех отношениях роман «Заглянуть в бездну» - о личной и политической трагедии Колчака.. Оповестил, что опубликовал в журнале «Встреча» (бывш. «Культурно-просветительская работа», № 1, 1993 г.) статью об этом романе и обзорную статью о писателях-историках Русского зарубежья в журнале «Север» (№№ 11-12, 1992 г.), в которой, в частности, также вёл речь об этом незаурядном произведении, по праву называя его новаторским романом с глубокими и актуальными историческими ретроспекциями.

Признаться, я не был уверен, что писатель откликнется на моё письмо из-за чрезвычайной творческой занятости и ведя без того интенсивную переписку (пишу эти строки и мечтаю увидеть изданной всю публицистику В.Е. Максимова).

Моей радости не было предела, когда я получил из Парижа бело-голубой конвертик, «не нашинский» по конфигурации, с заграничными штемпелями: это было первое письмо-ответ Владимира Емельяновича. Цитирую его полностью, без какого бы то ни было вмешательства в текст, как и все последующие письма писателя, мне адресованные:

Париж, 12.04.93.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Бога ради, простите за задержку с ответом: был в отъезде. Искренне благодарю Вас за внимание к моим литературным опусам. Разумеется, я с большим интересом познакомился бы с Вашей статьёй. Но, к сожалению, достать соответствующий номер «Севера» в Париже невозможно. Если прийдёте, буду благодарен.

Правда, для себя я не считаю роман о Колчаке историческим. Историческая коллизия взята мною лишь для того, чтобы воспроизвести ситуацию в современной России, а она, по моему глубоко убеждению, уже на пороге этого.

Ещё несколько лет назад пригласить Вас в Париж на одну из многочисленных когда-то конференций не составило бы для меня труда, но, к сожалению, в последнее время интерес к нашей стране, а, следовательно, и к её культуре, катастрофически падает, ибо престиж России в современном мире опустился до нуля. Сегодня для западного общественного мнения мы являем собою нечто вроде американской полукolonии во главе с цинической шайкой отечественных надсмотрщиков. Но если мне представится возможность, я постараюсь в этом отношении что-нибудь для Вас сделать.

Рад бы, но в Твери мне едва ли уже придётся побывать. События последнего времени отбивают у меня всякую охоту видеть собственную родину, ибо, судя по всему, её – этой родины – уже нет. Осталась одна лишь густонаселённая территория. Увы!

*С искренним уважением,
Ваш В. Максимов.*

Тверь, 26.04. 93 г.

Глубокоуважаемый Владимир Емельянович!

Сердечно благодарю Вас за ответ на моё письмо! Очень тронут Вашим вниманием! Посылаю ксерокс своей статьи в журнале «Север» - о писателях-историках Русского зарубежья. «Север» - издание патриотическое, высокогражданственное, потому его едва не закрыли вездесущие «перестройщики», но журнал выстоял.

В Вашем письме меня глубоко взволновало заключение: «Престиж России в современном мире опустился до нуля...» Впрочем, много и не могло быть: живём-то будто в оккупации. Русского народа, собственно, нет. Частью он выбит ещё в годы войны с Гитлером, частью деморализован тоталитарным режимом, лидеры коего – перевертыши, ловко перекрасившиеся в неолиберальных «демократов». Остаётся в основном не народ, а пассивное, лишённое своего национального стержня, донельзя оболваненное средствами массовой информации, космополитическое население, озабоченное только одним – как выжить, как добыть кусок хлеба...

Парадоксально, но факт: наше несчастье – в наших же пока ещё несметных, данных Богом богатствах - в огромных земельных угодьях, недрах, лесах... Очень много охотников на Западе, страждущих проглотить лакомый кусок за здорово живёшь!.. Впрочем, Вы сами это прекрасно понимаете. Пока великий исторический конфликт – Россия – Запад решается, увы, не в пользу России. Но победителей в этом глобальном противостоянии не будет: всех ждёт неминуемая катастрофа, если головокружительный и трагический вектор истории не повернет в спасительную сторону национального и духовно-православного возрождения нашего многострадального Отечества. Эту весьма незавидную перспективу я почерпнул в Ваших романах. Она мало утешает, но помогает прозреть, как всякая горькая правда. А без всеобщего прозрения, как известно, нет и быть не может государственного движения вперёд.

Но не станем предаваться унынию! Уныние Богу противно. Ещё не всё потеряно, не все патриотические рубежи сданы.

С большим интересом читаю Ваши статьи в газете «Советская Россия», они вызывают большой резонанс.

Всего Вам самого доброго! Крепкого здоровья, веры в будущее!!

Сердечно – Владимир Юдин.

В.Е. Максимов приложил максимум энергии, чтобы были опубликованы мои материалы по исторической романистике в русских зарубежных изданиях.

В ответ на мою горячую благодарность за внимание к моим скромным литературно-критическим опусам В.Е. Максимов отозвался следующим ответом:

Париж, 3 сентября 93 г. Юдину В.А., г. Тверь.

Дорогой Владимир Александрович!

Сердечно благодарю Вас за статью о моём романе в журнале «Встреча». В наше время полного равнодушия к культуре вообще, а к литературе в частности, такой интерес к книге вызывает у меня не только чувство личной признательности, но и уверенность в том, что литература в России и её самый благодарный в мире читатель живы.

Если это Вас не затруднит, пришлите мне и свои критические работы по книгам других авторов. Постараюсь, по мере возможности, кому-нибудь их здесь предложить.

С искренним уважением и признательностью, Владимир Максимов.

Тверь, 11.XI. 93.

Дорогой Владимир Емельянович!

Примите сердечный привет и самые добрые пожелания в здоровье и жизни! Посылаю Вам свою статью о романе «Заглянуть в бездну», опубликованную в газете «Литературная Россия» 29 октября с.г.

Интересно, получают ли эту хорошую патриотическую газету во Франции? Заодно решил послать рукопись своих заметок о повести Р. Гуля «Дзержинский». В России эту повесть впервые напечатал журнал «Москва» в 1991 году. Может быть, во Франции заинтересуются.

По возможности прошу передать в какое-нибудь русское патриотическое издание во Франции (если таковое имеется) – или где-нибудь в Европе – мои заметки о личности совершенно уникальной в нашей национальной истории, по-русски глубоко судьбиной и трагической – Петре Николаевиче Краснове, которому в декабре с.г. исполнится 125 лет. Буду очень признателен Вам. В России такие материалы идут трудно, с большим сопротивлением. Ни что не изменилось у нас, сменился только идеологический антураж, звёзды и красные флаги срывают, кресты ставят на их место, а психология прежняя, русоненавистническая осталась и реализуется новопришельцами - либералами с неистовой силой...

Всего самого доброго!

С глубоким уважением, Владимир Юдин.

Париж, 1. 12. 93.

Дорогой Владимир Александрович!

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить Вас за столь лестную для меня Вашу статью о «Колчаке» в «Литературной России». Она порадовала меня заинтересованным проникновением в материал, блестящим анализом сложившейся тогда в России и очень похожей на нынешнюю ситуации и, что ещё важнее, интеллектуально верными выводами. В современной критике это теперь редкость.

Далее по поводу самого Вашего письма: «Литературную Россию» можно приобрести в Париже в русском книжном магазине «Глоб».

Два предыдущих Ваших послания я получил. И, помнится, ответил Вам. Видимо, произошли какие-то недоразумения с почтой.

Вашу статью о книге Р. Гуля я отправил в США, в газету «Новое русское слово» и в «Новый журнал», который он много лет редактировал. К сожалению, в Европе, даже в эмиграции его мало знают, а то и давно забыли. «НРС», кстати, самая распространённая русскоязычная газета за рубежом. Тираж почти 50 тысяч: цифра по эмигрантским меркам гигантская. К тому же, они хоть и немного, но платят, чего не скажешь об остальных эмигрантских изданиях.

Увы, в Россию я в ближайшее время не собираюсь: слишком тошно мне видеть её в таком состоянии. Убеждён, что страна движется к тем же или ещё худшим результатам, только в обратном направлении.

Ваш – Владимир Максимов.

Благодаря активному содействию В.Е. Максимова, с вышеупомянутыми изданиями в США у меня завязались хорошие творческие отношения, удалось установить, как по-прежнему высоко оценивается и

воспринимается нынче за рубежом современная русская литература, развивающая нетленные традиции национальной классики.

...Переписка с В.Е. Максимовым интенсивно продолжалась и в 1994 году. Мы обменялись новогодними и рождественскими поздравлениями. Я всё ещё ждал и надеялся, что при очередной своей поездке в Москву писатель найдёт время и откликнется на мою просьбу побывать в Твери, выступит перед студентами и молодёжью города.

Увы, этим надеждам не суждено было сбыться. Здоровье Владимира Емельяновича, сильно подорванное в годы перенесённых в юности страданий и дальнейших житейских передряг, резко пошатнулось, жить ему оставалось совсем недолго...

15. 02. 94. Париж.

Дорогой Владимир Александрович!

Благодарю Вас за новогодние и рождественские поздравления. К сожалению, получил их с большим опозданием: до конца января был в Москве. Вернулся оттуда окончательно раздавленным.

Кто, какая сила на свете способна противостоять сегодня той банде государственных преступников, в руках которых оказалась теперь Россия?.. Мы загнаны в ловушку, в порочно заколдованный круг, откуда я просто уже не вижу никакого выхода, кроме (да простит меня Господь!) новой революции. Впрочем, это разговор до бесконечности.

Статью Вашу я куда-нибудь, конечно же, предложу, хотя выбор на этот счёт и в эмиграции не велик: почти вся здешняя русскоязычная печать – проельцинская...

Увы, эмиграция наша не сделала никаких выводов из собственного исторического опыта: вот уже почти восемьдесят лет живёт мифами и химерами прошлого.

Даже из более или менее объективного «Нового русского слова» я до сих пор не получил никакого ответа по поводу Вашей статьи о Гуле. Предложу, с Вашего позволения, в «Новый журнал»: всё же это их бывший редактор.

Вот на этот раз, пожалуй, и всё.

Ваш Владимир Максимов.

Дорогой Владимир Емельянович!

С превеликим удовольствием и восторгом прочитал Вашу статью «Игра в кровавую копеечку»! Я не читаю «Правду», ибо вижу мало в ней правды... Но сейчас в ней всё чаще появляются искренние, патриотические, честные материалы. Ваша статья выделяется особым неистовством, сарказмом, чувством огромного трагизма и бесконечной душевной боли за погрязшую Россию...

Будете в Москве – дайте знать. Хочу с Вами повидаться.

Будьте здоровы и крепки духом!

Весна, по всему, принесёт серьёзное обновление в жизни.

*С глубоким уважением, Владимир Юдин.
Тверь, 5.04. 94 г.*

Увы, весна 1994-го мои ожидания, как и ожидания миллионов простых сограждан, не оправдала. Ничего, кроме очередной волны социальных тягот и тревог, трудовой России не принесла. Веселились и ликовали так называемые «новые русские» - молниеносно разжиревший клан грабителей и воров, обставивших свои бесчестно приобретённые капиталы десятками и сотнями «охранных грамот». Тотальная коррупция, небывалый по масштабу грабёж народа - такого многострадальная Россия давненько не знавала...

Письмо В.Е. Максимова за 23 сентября 1994 г. было очень коротким и, что меня особенно насторожило и встревожило, подписанным неровным, нервным почерком, будто писала рука вконец измождённого болезнью человека.

Я не ошибся в своих мрачных предчувствиях: как позже стало известно, Владимир Емельянович уже несколько месяцев сильно страдал от неизлечимой болезни. Однако ни в одной строчке своих писем не обмолвился об этом. Боль души – вот на что он беспрестанно жаловался. Причиной этой адской боли явилась нынешняя социальная трагедия России. Писатель жил и творил, о себе не думая, всецело поглощённый мыслью о каждом из нас, соотечественниках, о великой мученице и печальнице России...

Париж, 23. 09. 94.

Дорогой Владимир Александрович!

Высылаю Вам Вашу статью, опубликованную (хотя в сильно урезанном виде) в нью-йоркском «НРС». Гонорары эта газета платит очень не большие, но, тем не менее, таковой Вам причитается. Напомните им об этом по приложенному здесь адресу.

Ваш Владимир Максимов.

...Это было последнее письмо от Владимира Емельяновича. Через некоторое время из Парижа пришла печальная весть: выдающегося русского писателя-патриота, человека высокой чистой души и сердца В.Е. Максимова не стало...

На литературном небосводе России погасла ещё одна яркая звезда. Звезда угасла. Но свет её ещё долго-долго будет озарять нашу трагическую беспросветность, вселяя веру, надежду, любовь, и, убеждён, рано или поздно укажет нам путь выхода из тяжкого и запутанного исторического лабиринта.

Благородный облик В.Е. Максимова служит символом русской духовной цельности и стойкости, православной веры в Господа, как то единственное, вечное, что являет собой подлинную нетленную ценность на земле, и ради чего мы живём. Всё остальное – тлен и суета сует.

Владимир Юдин, г. Тверь